

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ с Грэмом Грином во время кинофестиваля в Канне, куда он приехал из соседнего города Антиб специально для того, чтобы посмотреть картину С. Бондарчука «Борис Годунов». Писатель собирался перечитать Пушкина, и ему хотелось увидеть экранизацию его знаменитой драмы. После фильма мы на машине возвращались в Антиб, расположенный всего в десяти километрах от Канна, по дороге, которая, обгибая скалы, шла вдоль ослепительно блестящего на солнце моря.

— Раньше я очень любил кино, — рассказывал Грэм Грин, — идо войны был даже киноκριтикoм и сотрудничал в журнале «Спектейтор». После войны сочинял сценарии по своим собственным произведениям. С наибольшим успехом шла картина «Третий человек», которая получила в 1949 году на Каннском фестивале первый приз. К стати, «Третий человек» вначале существовал как сценарий, а потом на его основе я написал книгу. Другие ленты, снятые по моим сценариям, — это «Наш человек в Гаване», «Комедианты», «Брайтонские скалы». К моему большому сожалению, некоторые фильмы, особенно те, что были сделаны американцами, оказались очень плохими, особенно неудачным получился «Тихий американец». Это было просто предательством по отношению к книге. Если английские картины я как-то мог контролировать, то американцы делали свои без всякого со мной совета. Британская телекомпания Би-би-си недавно сняла два фильма по моим последним произведениям «Доктор Фишер из Женевы» и «Монсиньор Кихот». Если первым из них я остался недоволен, то второй, который очень верен книге, получился хорошо.

Сейчас я редко хожу в кино, — продолжает писатель. — В общем, я потерял к нему интерес, хотя порой смотрю неплохие картины по ТВ. Кино я по-прежнему считаю важным видом искусства. Но с возрастом понимаю, что надо сохранять энергию для литературной работы. Когда тебе за 80, начинаешь быстро уставать.

2 октября этого года Грэму Грину исполнится 82 года. Высок, худой, немного сутулый, с бледно-голубыми глазами — его никак нельзя назвать стариком. Не без волнения я беседовал со своим любимым писателем, зная, что тот крайне редко дает интервью.

Вот мы и в Антибе, небольшом средиземноморском городке, основанном древними греками еще в IV веке до нашей эры, которые называли его Антиполис (то есть, «город напротив», имея в виду Ниццу). После Великой французской революции в городе обосновался молодой генерал Бонапарт с семьей. Здесь всегда жили художники, и сейчас одна из его достопримечательностей — Музей Пабло Пикассо.

ГРЭМ ГРИН пригласил нас в маленький ресторанчик «У Феликса» рядом с портом, где он обедал уже два десятка лет. Хозяин ресторана, месье Феликс, усадил нас за столик у самого окна, из которого видны были мачты парусников, небольшой фонтан, увенчанный вазой, и старый наклонившийся платан. В его тени установил свой мольберт уличный худож-

ник. Я знал, что времени у меня не так много и поспешил включить магнитофон.

— Две мои первые книги никогда не были опубликованы, — вспоминает писатель, — и я рад этому, потому что они не получились. Мой роман «Человек внутри» вышел в свет в 1929 году. На меня очень сильное влияние в те годы оказывал английский писатель Джозеф Конрад. Мне даже пришлось прекратить читать его, чтобы избавиться от этого влияния и не стать тенью Конрада. Говоря о русских писателях, которые мне всегда нравились, помимо Толстого и его «Войны и мира», назову прежде всего Чехова.

— Если бы вы были литературным критиком и писали статью для энциклопедии о

душным. Когда я был начинающим писателем, эти статьи были важны для меня, а сейчас я не придаю им большого значения. Правда, некоторые содержащиеся в них критические замечания помогли мне понять, что не получилось в тех или иных книгах. В моей литературной судьбе важную роль играл писатель и критик, мой друг Виктор Притчет. Он помог мне и когда я испытывал определенную неуверенность, и когда мои книги продавались все хуже и хуже.

— Следите ли вы за литературным процессом в различных странах?

— В течение долгого времени я интересовался французской литературой. Но в ней произошел разрыв. И после Камю, Мо-

чать жизнь снова, стали ли бы вы писателем?

— Нет, я стал бы букинистом. Эта профессия, связанная с поиском редких книг, напоминает мне охоту за сокровищами. Я очень рад, что букинистом работает мой племянник, который преуспел в этом деле.

— Надо ли родиться писателем или им можно стать?

— Я считаю, что хороший журналист может стать писателем. Иногда и я пишу репортажи для газеты. Так, в качестве журналиста я побывал в Чили в годы народного правительства Альенде, в Парагвае. Я дважды встречался с Фиделем Кастро. Наша первая встреча, кажется, это было в 1966 году, длилась с десяти вечера до двух часов ночи.

И, конечно, способность быть другом.

РАССКАЗЫВАЯ о себе, он говорит, что никогда не стремился стать общественным деятелем, предпочитая заниматься литературной работой. Но иногда ему приходится выходить за рамки своей профессии. Недавно он стал членом английской ассоциации солидарности с народом Никарагуа. «Рассказы о религиозных преследованиях в этой стране, — сплошная ложь, — говорит писатель. — Никарагуа — это страна, которая меня очень интересует, как и вообще положение в Латинской Америке. Меня долгие годы связывала дружба с президентом Панамы, генералом Торрихосом, смерть которого — огромная трагедия для всего континента».

Он вспоминает о том, как в конце апреля этого года, накануне встречи руководителей семи наиболее развитых капиталистических стран в Токио, на которой должен был, в частности, обсуждаться вопрос о «терроризме», как его понимают в Вашингтоне, он направил письмо редактору лондонской газеты «Таймс». В письме писатель рассказал об одном из случаев терроризма, жертвой которого стал никарагуанский католический священник Донато Мендоса. «Контрас» схватили его, выкололи ему глаза, вырвали ногти и, переломав все кости, убили его (об этом Грин узнал из послания американской монахини Сандры Прайс, живущей в Никарагуа). Редактор «Таймс» нашел его письмо «интересным», но слишком гнетущим и отказался его печатать.

Грэм Грин говорит о том, что мир, в котором мы живем, полон опасностей. Президент Рейган не хочет обсуждать проблемы ядерной угрозы, нависшей над человечеством. Но американское общественное мнение, считает писатель, осознает опасность внешней политики Вашингтона. В декабре прошлого года он провел несколько дней в Соединенных Штатах, и все делатели, с которыми Грину приходилось встречаться, осуждали внешнеполитический курс Вашингтона.

С глубоким сочувствием говорил он об аварии на Чернобыльской АЭС, которая, по его словам, должна послужить уроком для всего человечества. «Я очень сожалею, — сказал писатель, — что она случилась в Советском Союзе, но это могло произойти где угодно, и подобные катастрофы уже были в США и Англии. К сожалению, я не вижу, что к этой драме серьезно отнеслись в Америке».

...Ресторан опустел, и некоторое время мы сидели молча. К нам снова подошел месье Феликс и с гордостью объяснил мне, что он знает Грэма Грина уже сорок лет и, конечно, читал все его книги. Нет, мы не стараемся с помощью его имени привлечь посетителей, сказал он.

Распровавшись с месье Феликсом, мы отвезли писателя к киоску, чтобы купить свежие английские газеты, а потом — домой, на бульвар Пастера, где он уже двадцать лет живет в небольшой двухкомнатной квартире. Договорились встретиться еще раз до его поездки в Москву, куда он собирается отправиться этой осенью.

Ю. КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий».

КАНН — АНТИБ — ПАРИЖ.

Грэм Грин:

Я ПРЕЖДЕ ВСЕГО РАССКАЗЧИК

творчестве Грэма Грина, что бы вы сказали о нем?

— Я написал бы, что он очень и очень медленно приходил к простоте и по мере возможностей избегал прибегать к прилагательным. Я бы отметил также, что он постепенно выработывал свою систему творческих ценностей.

— Сколько книг вы написали за свою жизнь?

— Вместе с пьесами и критическими эссе — более сорока. Но если считать только романы и повести — то около 20. Кроме того, я автор нескольких книг для детей.

— Какое ваше произведение вы считаете наиболее значительным?

— Многие полагают, что моя лучшая вещь — это «Власть и слава». Мне тоже кажется, что эта книга действительно удалась; но все-таки лучшим своим произведением я считаю «Почетный консул». На его создание у меня ушло очень много времени. Писалась она трудно. Когда я работаю над книгой, у меня такое ощущение, что я нахожусь в самолете на взлетной полосе, вдруг начинаешь чувствовать, что меня, наконец, оторвали от земли. Когда я писал «Почетный консул», мне казалось, что я никогда не «взлечу». К середине книги я, как обычно, уже знал, каков будет ее конец, но не представлял себе то, какие события произойдут между серединой и концом. И только когда я закончил ее, то понял, что взлет состоялся.

— Есть ли у вас план произведения, когда вы пишете свою книгу?

— Я имел такой план, когда был молодым писателем.

— Что хотите сказать своими романами?

— Ничего, у меня нет какого-то «послания». Я не стремлюсь к тому, чтобы выразить идею в какой-то фразе, я прежде всего рассказчик.

— Вы читаете, что пишут о вас критики?

— Обычно я получаю все, что пишет обо мне английская пресса. Злая критика меня не трогает, а похвала оставляет равно-

дуриака, Мальро, Сартра равных им преемников нет. Подобное часто случается в литературе, периоды подъема сменяются периодами спада. В настоящий момент американская литература меня мало интересует, разве что живущая в Италии Мюриэл Спарк, которая пишет повести — одновременно смешные и страшные. Пожалуй, из ныне здравствующих американских писателей не могу назвать ни одного, кто был бы мне по душе. Мне нравятся ранний Хемингуэй и, конечно, Фолкнер, и, само собой разумеется, такие классические вещи, как «Моби Дик». Сэлинджер? Автор одного романа.

— Как вы оцениваете латиноамериканскую литературу?

— Прежде всего люблю Габриэля Гарсиа Маркеса... В правительстве Никарагуа, по крайней мере, три человека пишут стихи: министр внутренних дел Томас Борхе, министр культуры Эрнесто Карденаль и, кажется, сам Даниэль Ортега. Во время моего второго визита в Никарагуа Ортега устроил вечер в мою честь, и чуть ли не все, что пришел, признавались мне, что сочиняют стихи. Помню, как в Никарагуа на одном из митингов выступала крестьянка, лишь недавно обучившаяся грамоте, и тоже стала читать свои стихи.

— Вы любите поэзию?

— Очень. Когда мне было 19 лет, я опубликовал книгу стихов, к сожалению, очень плохих. Но сейчас это библиографическая редкость.

— Уж не любите ли подвинула вас на то, чтобы писать стихи?

— Да, в те годы я был влюблен в гувернантку моей сестры (смеется). Ну, а если серьезно, то, кроме Шекспира, я люблю Роберта Браунинга.

— Кто придумал название «Гринленд» (то есть «земля Грина»)?

— Еще 40 лет назад этот термин избрал мой друг Кольдер Смит. Впрочем, я это понятие не приемлю, ибо то, о чем я пишу, существовало на самом деле, как, например, война во Вьетнаме, а не в моем воображении.

— Если бы вам пришлось на-

— Вносите ли вы изменения в переиздания ваших книг?

— Самые незначительные. Убираю лишние прилагательные и наречия.

— Что вы пишете сейчас?

— Я собираюсь отправиться на Капри, где надеюсь закончить одну повесть, начатую и заброшенную десять лет назад. Мне кажется, что именно там, в уединении и тишине, работаете лучше, чем где бы то ни было.

— О чем эта повесть?

— Я никогда не говорю о книгах, которые пишу, ибо стоит только рассказать сюжет, как она перестает «писаться».

— Считаете ли вы себя счастливым человеком?

— Не счастливым, а удачливым.

— Ваше хобби?

— У меня нет никакого хобби. Когда был ребенком, собирал марки. У меня есть несколько картин современных художников из разных стран, а также небольшая скульптура, подаренная Генри Муром. Я люблю ходить не столько по музеям, сколько по выставкам. Но хорошо помню свое посещение Эрмитажа и Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве.

— Вам нравится Пикассо, который был вашим соседом в Антибе и также обедал «У Феликса»?

— Да, но никогда я не хотел иметь дома его картины. Мой любимый художник — это Гоген, а также французские импрессионисты. В Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина мне очень понравился портрет кисти Буше.

— Какие качества в человеке вы цените выше всего?

— В мужчине — храбрость и ум. В женщинах — внешнюю привлекательность и тоже ум.